

За спиной Годжо Хара внезапно выросло гигантское, искаженное дерево с человеческим лицом. Окружающее пространство мгновенно преобразилось, став зловещим и мрачным, словно парень провалился в иное измерение. В тот же миг его автоматическая Безграничность просто испарилась.

Хара сразу понял: его заманили в ловушку. Это было Расширение территории.

Внутри чужого барьера атаки владельца становились абсолютom — они гарантированно достигали цели, а врожденные техники жертвы нейтрализовались. Именно поэтому Безграничность дала сбой.

Понимая, что уклониться от гарантированного удара невозможно, Хара мгновенно развернул Простую территорию, защищаясь от неминуемой смерти.

Для магов, не освоивших Расширение территории, этот прием оставался единственным способом выжить в чужих владениях. Простая территория дарила драгоценные секунды — шанс не умереть в первое же мгновение и попытаться переломить ход боя.

Обезопасив себя, Хара решил нанести удар в самое сердце — уничтожить хозяина территории. Без источника проклятой энергии барьер рухнет сам собой.

Но не успел он выверить чужое присутствие, как сверху с грохотом обрушился яростный, подобный молнии удар.

Хара дернулся в сторону, но его Шесть глаз тут же зафиксировали аномалию: эта самая настоящая молния тоже несла в себе эффект гарантированного попадания. При этом ее проклятая энергия разительно отличалась от энергии барьера.

Стало быть, бил не хозяин территории, а кто-то другой.

Хара вскинул руку, выпуская мгновенный «Синий». Техника поглотила заряд. Разорвав дистанцию, он сфокусировал взгляд Шести глаз на нападавшем.

Перед ним стоял мужчина с нелепыми пучками-рожками на голове и тяжелым железным жезлом в руках. В его глазах полыхал безумный азарт.

— Так это ты сильнейший маг нынешней эпохи? — выдохнул он с предвкушением.

Хара промолчал. Его Шесть глаз непрерывно сканировали пространство барьера, просеивая колоссальные объемы информации. Мозг работал на пределе, фильтруя входящие данные, пока на самой периферии территории «Сплетение материнских лон» не обнаружился ее истинный хозяин — изящная женщина с уродливым хирургическим швом на лбу.

Стоявший напротив безумец разразился диким хохотом:

— Ха-ха-ха! А мир спустя четыреста лет чертовски хорош! Не успел я очнуться, как мне подкинули такого роскошного противника! Расправлюсь с тобой — и сразу за Рёмэна Сукуну!

Хара мгновенно уловил суть: «четыреста лет спустя», «Двуликий Сукуна»... Этот парень — маг четырехсотлетней давности, получивший новое тело, и к тому же кто-то замышляет воскресить Короля проклятий, Двуликого Сукуну, жившего тысячу лет назад?

Хара мгновенно вычленил главное. «Четыреста лет»... «Сукуна»... Перед ним стоял древний маг, получивший новое тело в этой эпохе. Значит, кто-то действительно планирует вернуть к жизни Двуликого Сукуну?

Иначе бред этого взбалмошного чужака с рожками на голове просто не имел бы смысла.

— Кто ты такой? — наконец спросил Хара.

— Касимо Хадзиме! — оскалился тот. — Запомни его хорошенько, ведь именно я отправлю тебя на тот свет!

Хара лишь спокойно кивнул:

— Твоя сила действительно заслуживает внимания. Я запомню тебя.

Договорив, он без малейшей задержки обрушил на Касимо веер из десятков сфер «Синего», а сам мгновенно развернулся и выстрелил разрушительным «Фиолетовым» в ту точку, где затаилась тварь со швом на лбу.

Однако этот отвлекающий маневр не принес мгновенной победы: женщина успела уклониться, а Касимо как-то пережил натиск «Синего».

Впрочем, Хара и не рассчитывал на легкую победу. Если враги решились напасть на признанного сильнейшего мага современности, глупо было ожидать от них дилетантства.

Битва в замкнутом пространстве барьера вспыхнула с невероятной силой.

Касимо дрался яростно. Его насыщенная электричеством проклятая энергия делала каждый выпад сокрушительным, а филигранный контроль позволял генерировать грозные разряды, которые били без промаха даже без активации территории.

Вкупе с давлением чужого барьера, сковывавшим движения Хары, этот безумный воскрешенный маг представлял нешуточную угрозу.

Осложняло ситуацию и то, что Харе приходилось держать часть сил в резерве. Женщина со швом на лбу, истинная хозяйка территории «Сплетение материнских лон», затаилась в тени, выжидая идеальный момент для удара в спину.

Но важнее всего было другое: Хара тратил колоссальный ресурс разума на то, чтобы деконструировать и изучить структуру чужого барьера.

Для него это была бесценная возможность совершить качественный рывок. После освоения Обратной проклятой техники развитие Хары замедлилось, упершись в невидимый потолок. Чтобы стать по-настоящему непобедимым, ему жизненно необходимо было освоить Расширение территории.

Вот только в современном мире магов учиться было не у кого. За исключением Цукумо Юки, которая бездельничала где-то за границей и теоретически владела этим приемом, никто из современных чародеев не умел раскрывать барьер. Даже проклятия особого ранга баловались лишь недоношенными врожденными территориями, далекими от истинного Расширения.

Архивы клана Годжо содержали лишь сухие крохи теории: Расширение территории требовало абсолютного понимания первоосновы собственной врожденной техники и ее последующего проецирования вовне в виде изолированного пространственного кармана.

Сколько бы лет Хара ни препарировал природу своей Безграничности, неуловимое вдохновение, способное запустить этот процесс, ускользало от него.

Поэтому засада и погружение в чужой барьер вызвали у него не страх, а искренний восторг.

«Ну разве не идеальный наглядный материал?»

Мысль о том, что он может не пережить этот бой, Хара даже не допускал. Замкнутые барьеры славились прочностью своих внутренних стенок — для рядового мага пробить их изнутри было невыполнимой задачей. Но для Хары разнести эту скорлупу в щепки и выйти наружу оставалось делом нескольких секунд.

Он сознательно оставался внутри, желая досконально изучить структуру чужой техники и заодно навсегда похоронить затаившихся крыс.

Хара лениво заблокировал очередной выпад Касимо. Проклятая энергия, мгновенно скопившаяся на его предплечье, вошла в идеальный резонанс с ответным выпадом. Пространство содрогнулось, явив черное, искривленное безмолвие — Черную вспышку!

Высвобожденная мощь в долю секунды начисто снесла Касимо Хадзими добрую половину туловища.

Хара удивленно приподнял бровь. Касимо действительно впечатлял — впервые на его памяти кто-то не превратился в кровавый фарш после прямого попадания Черной вспышки.

Древний маг тоже владел Обратной проклятой техникой. Хара воочию наблюдал, как разорванная плоть стремительно нарастает на уцелевшие кости.

Не желая давать противнику передышку, Хара шагнул вперед для добивающего удара, но в этот момент гигантское дерево с человеческим лицом — казавшееся до этого лишь жуткой декорацией — вдруг ожило. Десятки толстых корней, точно гигантские щупальца, со свистом устремились к нему.

Хара легко уклонился, взмыв в воздух. Его взгляд намертво пригвоздил женщину, восседавшую на вершине уродливого древа.

— Наконец-то ты выползла из своей норы, — холодно процедил он.

— Обратное вращение проклятой техники: Красный! — скомандовал Хара.

Концентрированная алая вспышка аннигилировала наседавшие корни, открывая беспрепятственный обзор на врага.

Женщина разглядывала его с холодным, почти научным любопытством. Игнорируя его недавний вопрос, она негромко заговорила:

— В одной эпохе не могут существовать двое обладателей Шести глаз. Я лично доказала это давным-давно: пока жив один, другой не родится. Тот факт, что ты и Годжо Сатору делите этот мир, будучи полноценными носителями Рикугана... невероятный, невысказанный каприз судьбы.

Хара презрительно сощурился:

— Терпеть не могу рассказы о судьбе.

Слышать это слово от существа с располовинчатой головой было физически тошно.

— Этой эпохе хватит и одного Рикугана, — ровным тоном продолжила женщина. — Годжо Хара, ты слишком далеко обогнал Годжо Сатору. И дело даже не в колоссальной силе, а в твоём интеллекте. Ты слишком умен. И пока ты жив, мои планы под угрозой...

В этот раз судьба расщедрилась, собрав на шахматной доске уникальные фигуры: Шесть глаз, Сосуд звездной силы и носителя Небесного проклятия с абсолютным отсутствием проклятой энергии.

Вековой цикл, связывавший Шесть глаз, Сосуд звездной силы и Тэнгэна, наконец-то мог быть разрушен руками человека с нулевой энергией. И Кэндзяку не мог допустить, чтобы этот идеальный расклад сорвался.

Годжо Хара, бесцеремонно раздавивший ее агентов влияния среди верхушки магов, оказался слишком опасным и непредсказуемым.

Она пошла на риск, досрочно пробудив Касимо Хадзиме, лишь бы уничтожить Хару до того, как тот раскроет свой потенциал на максимум.

Стоит Харе постичь Расширение территории — и он превратится в абсолютного, недостижимого монстра. Тогда о его устранении можно забыть навсегда.

А ведь за его спиной рос еще один монстр — Годжо Сатору, чей будущий потенциал сулил не меньше проблем. Два непобедимых обладателя Шести глаз в одном поколении — от одной этой мысли любого планировщика бросило бы в дрожь.

Но именно эта эпоха подходила для ее великого плана как нельзя лучше. Кэндзяку не собирался откладывать замысел еще на тысячу лет.

Поэтому она и решилась на эту отчаянную засаду.

— По правде говоря, убрать Сатору было бы в разы легче, — с легким сожалением протянула женщина. — Но один носитель Шести глаз все же должен остаться на доске...

Хара, до этого момента терпеливо собиравший крупницы информации из ее монолога, при упоминании брата мгновенно переменялся в лице. Его взгляд оледенел, а голос опустился до едва слышного, вибрирующего от ярости шепота:

— Нацелилась на моего брата?.. Тварь, ты сдохнешь прямо здесь.

В его сознании непрошеной вспышкой возникла картина: что, если бы на его месте сейчас оказался маленький Сатору? Да, он безгранично верил в силу брата и знал, что Сатору не так-то просто убить подлыми уловками. Но оказаться один на один с подавлением барьера, лишиться Безграничности, терпеть атаки безумного громовержца из прошлого и удары в спину от этой твари...

Гнев, поднявшийся в душе, с корнем вырвал остатки сомнений. В это мгновение чистой, концентрированной ярости Хара вдруг ощутил, как в голове все встало на свои места. Он медленно опустил веки, лишаясь последних крупниц человеческих эмоций. Правая рука скользнула вверх, пальцы застыли в ритуальном жесте, и из самой глубины его существа вырвалось ослепительное, торжествующее золотое сияние:

— Расширение территории: Двумерный мир!

Безграничный поток жидкого золота хлынул во все стороны, в одно мгновение сожрав и растворив барьер «Сплетения материнских лон».

В золотом мареве застыло само время. Когда сияние неохотно отступило, перед взором Хары завис развернутый, невероятно детальный холст.

На картине с пугающей точностью была запечатлена заброшенная деревня. А в вышине над ней застыли две плоские фигуры: женщина со швом на лбу, чье лицо исказила гримаса первобытного ужаса, и застывший в безумном восторге громовержец с рожками на голове.

Хара окинул картину абсолютно равнодушным взглядом. Белые ресницы едва заметно вздрогнули. Он огляделся: все окружающее пространство схлопнулось, превратившись в гигантский безжизненный холст. В абсолютном спектре Шести глаз мир лишился объема — теперь перед ним колыхались лишь мириады тончайших светящихся нитей, пронизывающих пустоту.

Каждая нить была фундаментальным законом бытия. Внутри своей территории он мог воочию наблюдать и осязать саму анатомию реальности.

Вселенная лежала перед ним, как раскрытая книга — плоская, беззащитная, лишенная малейших секретов.

Взгляд, которым он теперь окидывал живых существ, напоминал взгляд исследователя, разглядывающего плоских бумажных букашек сквозь толстое стекло низшего измерения — отстраненный, холодный и бесконечно чужой.

Хара вновь перевел взгляд на парящий холст. Враги, еще минуту назад брызгавшие слюной и угрожавшие ему смертью, превратились в плоские картинки, запертые в двухмерном плену. Теперь их судьба зависела от малейшего движения его пальца.

Хара вперил взгляд в изображение женщины со швом. Стоило ему мысленно отдать приказ, как ее силуэт на холсте начал блекнуть и исчезать, точно его стирали невидимым ластиком.

И пусть нарисованное лицо исказилось в немом крике ужаса, а плоское тело отчаянно забилося, пытаясь ползти, когда исчезли нарисованные ноги — бежать из двухмерной тюрьмы было некуда. Ее фигура растворилась, бесследно исчезнув с бумаги.

Странность обнаружилась, когда ластик коснулся головы. Едва исчезли контуры черепа, на холсте проступил отчетливый карандашный набросок человеческого мозга. Только после того как Хара стер и этот рисунок, женщина окончательно испарилась из реальности холста.

Хара, только что освоивший Расширение территории, еще не до конца понимал все тонкости своей новой силы, а потому лишь молча сделал мысленную пометку об этой странности. Затем он перевел взгляд на Касимо Хадземе, который в панике метался вдоль нарисованной границы, до смерти напуганный исчезновением сообщницы.

Вспомнив, что громовержец заикался о Сукуне, Хара помедлил. Стирать его подчистую было бы расточительством — этот реликт прошлого мог пригодиться для допроса.

Хара развеял технику. Окружающее пространство мгновенно обрело глубину, заброшенная деревня и лес вновь налились объемом, а плоский силуэт Касимо Хадземе сооткнулся в живую, трехмерную фигуру.

Древний маг растерянно захлопал глазами, окончательно сбитый с толку.

С его ракурса все выглядело чистым безумием: барьер его нанимателя, Кэндзяку, внезапно лопнул от золотой вспышки, а сама она начала таять в воздухе, точно смываемая водой краска. Касимо метался, пытаясь отыскать хозяина золотого сияния или хотя бы сбежать, но наткнулся на непреодолимую невидимую преграду всего в паре сотен метров от эпицентра.

Самого же Хару нигде не было видно.

А в следующую секунду парень просто сооткнулся из воздуха прямо перед ним. Пейзаж остался нетронутым, исчезла лишь женщина со швом.

Пробыв в чужих владениях, Касимо так и не понял, в чем заключался смысл чужой техники. Он даже не уловил, каким образом его напарница лишилась жизни.

Не успел Касимо открыть рот, чтобы потребовать объяснений, как пальцы Хары вновь сошлись в печати у груди.

— Расширение территории...

— Да постой ты!.. — выкрикнул Касимо.

—... Двумерный мир!

Хара интуитивно, без подсказок сузил радиус барьера до размеров одного человеческого тела. Вспышка — и перед ним опустился узкий свиток. С бумаги на него ошеломленно взирал нарисованный Касимо Хадземе, чье лицо застыло в немом недоумении.

Хара аккуратно свернул холст в плотный рулон и исчез.

С помощью мгновенного перемещения Хара вернулся в родовое гнездо клана Годжо. Первым делом он направился на поиски младшего брата.

Сатору в этот момент корпел над расчетами, пытаясь автоматизировать Безграничность. Почуввав знакомое колебание воздуха, он тут же обернулся, расплываясь в улыбке:

— Брат! Ты уже вернулся?

Однако стоило их взглядам встретиться, как Сатору осекся. С братом творилось нечто глубоко неправильное.

Лазурные глаза Хары, обычно светившиеся мягкой теплотой при виде брата, сейчас напоминали замерзшую гладь озера под свинцовым небом. Остекленевший, бесконечно далекий взор, лишенный малейших признаков жизни и тепла, заставлял вспомнить о безразличных ликах древних божеств.

Сатору не раз видел подобное выражение лица у брата — именно так Хара обычно смотрел на чужаков и врагов.

Но сейчас ему стало по-настоящему жутко. Брат впервые обратил этот пугающий, пустой взгляд на него самого. Прежде Хара никогда, даже на мгновение, не позволял этой мертвенной маске упасть между ними.

Чувствуя, как внутри все сжимается от дурного предчувствия, Сатору сделал шаг вперед:

— Брат, что с тобой? Что-то случилось на задании?

Хара не ответил, продолжая неотрывно разглядывать его стеклянными глазами. Сатору занервничал еще сильнее. Поддавшись какому-то детскому, интуитивному порыву, он рванулся вперед и мертвой хваткой вцепился в брата, утыкаясь ему в грудь:

— Брат! Брат, ну посмотри на меня... Что с тобой стряслось?

Хара медленно, заторможенно моргнул. Белые ресницы дрогнули, точно крылья потревоженного мотылька. Он медленно, словно преодолевая невидимое сопротивление, поднял руки и прижал брата к себе. Взгляд наконец обрел фокус, наливаясь прежней теплотой.

— Сатору... — тихо выдохнул он.

В его голосе скользнуло облегчение, смешанное со слабой грустью.

Стоило ему развернуть территорию, как привычное зрение дало глубокий сбой. Мир вокруг сплюснулся, превратившись в безжизненную двухмерную схему, а Шесть глаз забивали гигантские потоки светящихся нитей — законов бытия. Оказавшись дома, Хара с ужасом обнаружил, что даже любимый брат выглядит плоской бумажной фигуркой, сквозь которую просвечивали чужеродные узоры мироздания.

На долю секунды его охватило безумное чувство полного отчуждения. Вселенная показалась картонной декорацией. Или, быть может, он впервые соприкоснулся с подлинной реальностью, осознав, что прежний трехмерный мир был лишь красивым обманом?

Из этой ледяной бездны одиночества его выдернули только теплые руки брата. Настойчивое, полное паники «Брат!», раз за разом слетавшее с губ Сатору, заставило бездушные схемы отступить.

Хара заставил себя сосредоточиться на Сатору, и под давлением его воли плоский набросок наконец налился объемом, возвращая Сатору его привычный трехмерный вид. Но все остальное пространство поместья по-прежнему напоминало бесконечный плоский лист бумаги. Казалось, во всем мире реальными оставались только они двое.

Нахлынувший ужас перед этой картонной иллюзией заставил Хару сжать объятия до хруста костей. Брат был его единственным спасительным якорем в этой пустоте.

— Сатору... Сатору... — лихорадочно шептал он.

Сатору прекрасно понимал, что Хара находится на грани, но не стал лезть с расспросами. Вместо этого он лишь послушно откликался на каждый тихий зов:

— Я здесь, брат. Я с тобой.

Постепенно дыхание Хары выровнялось, а безумное напряжение отступило. Он нехотя разомкнул объятия и с привычной мягкой улыбкой потрепал Сатору по непослушной белой макушке:

— Кажется, я прервал твои занятия?

Сатору, убедившись, что к брату вернулся рассудок, нахмурился. Позволить Харе замять эту тему он не собирался.

— И не думай переводить стрелки, — серьезно произнес он, заглядывая брату в глаза. — Ты был сам не свой. Рассказывай, что произошло.

Хара мягко улыбнулся, собираясь привычно отмахнуться общими фразами, но, натолкнувшись на упрямый взгляд младшего брата, капитулировал.

— На последнем задании я угодил в ловушку, — нехотя признался он. — Зато сумел развернуть территорию. Правда... у этого приема оказался довольно странный побочный эффект.

Сатору изумленно округлил глаза:

— Побочный эффект? Чтобы после Расширения территории оставался какой-то откат?

— Ничего опасного для жизни, — поспешил успокоить его Хара. — Вероятно, моя врожденная техника слишком специфична, а в сочетании с Шестью глазами она породила аномальное восприятие.

Чтобы не тратить слова впустую, Хара решил показать все наглядно. Он активировал технику на крошечном участке пространства, оставив Сатору за границей барьера. Тот заворуженно наблюдал, как фрагмент каменного тренировочного плаца на глазах теряет объем, сжимаясь до состояния плоского, нарисованного тушью листа.

— Вот... — негромко произнес Хара. — После того как я закрываю территорию, зрение отказывается возвращаться в норму. Мир превращается в плоский чертеж, а люди — в безжизненные бумажные куклы. Возникает мерзкое ощущение, будто все вокруг фальшивка.

Теперь Сатору наконец понял, откуда взялась та пугающая, нечеловеческая пустота во взгляде брата.

— А как же я? — тихо спросил он. — Я для тебя тоже был бумажкой?

Хара немного помялся, но врать не решился:

— Поначалу — да. Но стоило тебе обнять меня, как наваждение спало. Правда, прямо сейчас во всей этой картонной вселенной трехмерными я вижу только нас двоих.

Сатору едва успел облегченно вздохнуть, как от следующих слов брата его сердце вновь болезненно сжалось.

Он и сам обожал читать мангу и смотреть аниме, но перспектива оказаться запертым внутри ожившего плоского комикса пугала до усрачки. Жить в вечном ощущении, что ты — единственный живой человек среди нарисованных декораций, было изощренной пыткой.

Осознав, через что сейчас проходит Хара, Сатору крепко сжал кулаки. На его лице отразилась глубокая тревога.

— И что с этим делать? — взволнованно спросил он. — Это вообще лечится? Неужели теперь каждое Расширение территории будет так ломать тебе зрение? Это из-за Шести глаз?

Сатору изо всех сил вцепился в теплую ладонь брата:

— Брат, раз уж из всего мира только я кажусь тебе настоящим, значит, мы просто не должны разлучаться. Будем всегда вместе. И пока мы реальны друг для друга, этот мир тоже будет оставаться настоящим!

Хара безмолвно смотрел на него.

Напряжение, сковывавшее его душу, окончательно растаяло, уступив место безграничной, щемящей нежности. Вся липкая жуть отчуждения испарилась, стоило ему услышать эту пылкую клятву.

В голове промелькнула лишь одна отчетливая мысль: «Где ты — там моя реальность».

Пока рядом был его маленький Сатору, фальшивость внешнего мира не имела никакого значения.

Даже если вселенная вокруг окажется лишь плоским картонным макетом, присутствие Сатору наполняло ее подлинной, неоспоримой жизнью.

Хара мягко улыбнулся, притягивая брата ближе:

— Пока ты рядом, Сатору, для меня реален любой мир.

Стоило фразе сорваться с его губ, как наваждение спало: плоские декорации тренировочной площадки с тихим щелчком налились глубиной и цветом, возвращаясь в привычное трехмерное русло. Да, перед глазами все еще назойливо мелькали светящиеся нити законов физики, но Хара понимал, что свыкнется с ними так же легко, как когда-то привык к бесконечному потоку проклятой энергии в спектре Шести глаз.

— Кажется, зрение восстановилось, — с легким удивлением выдохнул Хара.

Сатору шумно выдохнул, расслабляя плечи:

— Ну слава богу.

Хара задумчиво кивнул:

— Похоже, мне придется провести немало времени за изучением своего барьера.

Он уже успел заметить, что его техника имеет мало общего с классическими описаниями

территорий из клановых хроник.

К примеру, он мог по щелчку пальцев масштабировать размер барьера. Более того, запечатав Касимо Хадзиме в один свиток, он смог без труда создать вторую картину из тренировочного плаца, причем первая область при этом осталась абсолютно стабильной и изолированной.

Получалось, что его территория могла служить идеальным карманным хранилищем-тюрьмой. Оставалось лишь экспериментальным путем выяснить предел вместимости этих холстов.

Рядовые маги после закрытия территории сталкивались с выгоранием врожденной техники, на несколько минут превращаясь в беззащитные мишени. Но Хара оказался исключением из правил: он мог раскрывать свои плоские миры один за другим, не боясь откатов и расплачиваясь лишь чистой проклятой энергией.

С учетом того, что его личные резервы энергии граничили с бесконечностью, истощение ему не грозило. Три последовательных Расширения подряд практически не отразились на его внутреннем балансе.

Еще одним неоспоримым преимуществом было то, что ему не требовалось находиться внутри своего творения. Обычный маг делил пространство барьера со своим противником, рискуя получить сдачи, тогда как Хара оставался по ту сторону холста, раздавая команды запертым внутри марионеткам.

Чистая, незамутненная концепция атаки высшего измерения по низшему.

Впрочем, само название его территории — «Двумерный мир» — говорило само за себя.

Сатору потянул брата за рукав, возвращаясь к насущному:

— Брат, так кто на тебя напал? Расскажи подробнее.

Хара стряхнул остатки задумчивости:

— Моей последней целью было проклятие особого ранга в заброшенной деревне. Стоило мне развеять тварь, как пространство вокруг схлопнулось — та женщина со швом на лбу поймала меня в свой барьер. Ей помогал некий Касимо Хадзиме. Это маг из эпохи Эдо, четырехсотлетней давности, воплотившийся в чужом теле через проклятый объект... К слову, я совсем забыл о нем. Он ведь наверняка знает, кто эта тварь со швом!

Хара извлек из кармана свиток с изображением Касимо и небрежным жестом развеял печать, возвращая пленника в реальный мир.

Древний маг, насидевшись в тесной двухмерной камере, недоуменно потряс головой. Но стоило ему сфокусировать взгляд на Харе, как он взревел от ярости:

— Рикуган! Сразись со мной честно, один на один!

— Хочешь нормального поединка? — холодно отозвался Хара. — Тогда выкладывай, кто та девка со швом на лбу, которая натравила тебя на меня.

Касимо оказался парнем простым и без лишних уговоров выложил карты на стол:

— Его зовут Кэндзяку. И эта бабья рожа — явно не его родная. Четыреста лет назад, когда этот гад притащился ко мне, он выглядел совсем иначе. Если бы не памятный шов на башке да детали нашего нерушимого договора, я бы в жизни не признал его в этой юбке. Мы договорились: он обеспечивает мне перерождение в будущем, чтобы я мог сойтись в смертельной схватке с Сукуной. Но едва я открыл глаза в этой эпохе, как он заявил, что сперва я должен пустить кровь сильнейшему магу современности — тебе.

Касимо вперил в Хару горящий взгляд, так и лучась жаждой битвы. Раньше он самонадеянно полагал, что раздавит этого малолетнего выскочку с Шестью глазами одной левой, а уже потом займется Королем проклятий. Но Хара оказался настолько чудовищно силен, что Касимо нутром чуял: в обычном столкновении ему ловить нечего.

И это лишь подливало масла в огонь его безумия. Забыв про Сукуну, он грезил лишь одним — сойтись в честном бою с Харой.

— У меня есть техника, которую я могу применить лишь раз в жизни, после чего моя плоть рассыплется прахом! — прорычал он. — Я берег ее для Двуликого, но сейчас... сейчас я хочу сжечь себя в битве с тобой!

Сукуна мог быть трижды сильнейшим по заверению Кэндзяку, но Касимо никогда не видел его в деле.

А вот мощь стоящего перед ним юноши он только что прочувствовал каждой клеткой своего тела. И безумный воин, превыше всего ценивший величие битвы, без колебаний выбрал себе нового бога войны.

Ему нужна была яростная, красивая смерть в открытом бою, а не позорное заточение в клочке бумаги до того, как он успеет сделать хотя бы вдох своей финальной техники.

Хара даже бровью не повел на его вызов, методично раскладывая по полочкам полученные сведения.

Настоящее имя кукловода — Кэндзяку. Четыреста лет назад он уже плел интриги и заключал

нерушимые клятвы. Значит, перед ними древняя сущность, чья истинная природа оставалась загадкой.

В прошлом Кэндзяку носил мужское тело — Касимо упорно называл его «он», даже видя перед собой женскую плоть.

Либо эта тварь умеет менять внешность, либо, что вероятнее, захватывает чужие трупы. Искать его по лицу — гиблое дело, но вот этот уродливый хирургический шов на лбу станет для Кэндзяку вечным клеймом.

Хотя Хара не придавал фигуре Кэндзяку особого значения. Какие бы интриги тот ни плел веками, его существование прервалось в Двумерном мире. Со смертью гротескмейстера все его фигуры должны были посыпаться сами собой.

Даже если этот паразит вел подготовку к возвращению Сукуны, со смертью организатора весь план должен был пойти прахом.

Тем не менее Хара решил проявить осторожность. Когда придет время поступать в Токийский колледж магии, нужно будет обязательно приглядеться к Пальцам Сукуны, хранящимся на тамошнем Складе проклятых артефактов.

Всегда оставался риск, что Кэндзяку успел обзавестись сообщниками, которые попытаются довести его безумный замысел до конца.

А поскольку воскрешение Короля проклятий невозможно без сбора его останков, Склад проклятых артефактов колледжа станет идеальным местом для засады.

Все еще потрясающего кулаками громовержца Хара без лишних слов легким щелчком пальцев загнал обратно в плоский плен холста.

Хара неторопливо свернул бумажный рулон. Сатору тут же подлетел ближе, вовсю орудуя руками и с любопытством щупая плотный материал.

— Ого, на ощупь совсем как обычная бумага! Брат, а порвать ее можно?

Любопытство в Сатору так и бурлило. Он вцепился пальцами в край холста, пытаясь дернуть его в разные стороны. Хара лишь снисходительно улыбался, позволяя брату развлекаться. Сатору приложил немало сил, но бумага даже не сморщилась.

— Вообще не рвется, — разочарованно надул губы младший.

Хара мягко накрыл его пальцы своей ладонью, пропуская сквозь них тонкий импульс своей

проклятой энергии:

— Этот холст — проекция моей территории. Чтобы повредить его, тебе понадобится моя проклятая энергия.

Стоило энергии Хары пропитать пальцы Сатору, как плотный материал мгновенно поддался, сделавшись хрупким, словно старая газета. Раздался отчетливый треск, и холст разошелся ровной трещиной ровно до середины.

Изображенный на нем Касимо Хадзиме смешно задергался, ведь трещина прошла аккуратно через его нарисованное плечо и бок.

Плоский человечек, оставляя за собой нарисованные кровавые разводы, судорожно пополз в глубь уцелевшей половины холста, отчаянно латая пострадавшее тело с помощью Обратной техники.

Сатору, низко склонившись над шевелящимся рисунком, восторженно захлопал ресницами:

— Ого! Он реально двигается! Прямо как те живые картины из Хогвартса! Какая прелесть!

Видя, как загорелись глаза младшего, Хара мысленно восстановил целостность холста — трещина мгновенно затянулась без единого шрама. Он протянул свиток Сатору:

— Нравится? Забирай, развлекайся.

А на беснующегося внутри древнего громовержца ему было плевать. Пленный враг, помогавший Кэндзяку устроить засаду, не имел ни малейшего права чего-то там требовать.

В конце концов, Хара запечатал его в честном противостоянии, так какие могут быть вопросы?

Что же до хваленой одноразовой техники, после которой маг гарантированно рассыпался бы в прах — Хара не собирался дарить этому безумцу красивую смерть. Касимо еще мог послужить ценным источником информации, так что пусть посидит взаперти.

Древний маг представлял некоторую ценность, но искренняя улыбка Сатору была для Хары дороже любых тайн прошлого. Поэтому он без малейших колебаний отдал грозного воина эпохи Эдо младшему брату в качестве забавной игрушки.

Сатору церемониться не стал и с радостным писком выхватил свиток:

— Спасибо! Как надоест — верну!

Чтобы игра принесла младшему максимум удовольствия, Хара соткал из своей проклятой энергии небольшую сияющую сферу и мягко втолкнул ее в ладонь Сатору.

Без подпитки извне Сатору не смог бы влиять на Двумерный мир. Теперь же, владея этим энергетическим ключом, он получал полную власть над холстом и мог вертеть нарисованным Касимо как ему вздумается.

Бедный Касимо Хадземе, запертый в двухмерном плену, познал все прелести неумной детской фантазии Сатору. Он без умолку проклинал Хару за подлость и трусость, пока его бумажная жизнь стремительно превращалась в сущий кошмар.

В это же самое время глубоко под землей, в глухой лесной чаще, внутри заброшенного лабораторного бокса медленно приходил в себя Кэндзяку — тот, кто спланировал перерождение древних магов.

В прозрачной колбе с флуоресцирующим питательным раствором лениво покачивался сморщенный человеческий мозг, усеянный мелкими острыми зубами. По объему он едва достигал половины нормального человеческого органа.

Внезапно мерзкий орган запульсировал, жадно впитывая жидкость. Разбухая прямо на глазах, он стремительно увеличивался в размерах, пока не принял форму и объем обычного зрелого мозга.

Словно склизкая лягушка, мозг резко сиганул через открытый край колбы и шмякнулся на пол. Забавно шлепая плотью, он запрыгал к соседнему операционному столу, где неподвижно лежало мужское тело.

Труп мужчины идеально сохранился благодаря глубокой заморозке. Его черепная коробка была аккуратно вскрыта ровным циркулярным надрезом, обнажая пустую, тщательно вычищенную полость.

Склизкий паразит ловким прыжком нырнул прямо в раскрытый череп. Труп мгновенно конвульсивно дернулся, захрипел и сел на столе. Подняв негнущуюся руку, оживший мертвец аккуратно нахлобучил костяную крышку черепа обратно, пряча зубастый мозг в темноте костяной коробки.

Края надреза мгновенно стянулись, порождая уродливый хирургический шов на лбу. Серая кожа покойника налилась живым румянцем, а застывшее лицо обрело удивительно живую мимику. Мужчина осторожно коснулся пальцами свежего шрама и тяжело вздохнул:

— Хвала богам, я подготовил запасной план. Иначе эта вылазка стала бы для меня последней. Полноценный Рикуган — это слишком опасная переменная.

Он искренне сожалел об утрате женского тела, уничтоженного Харой. Несмотря на физическую слабость сосуда, врожденная Антигравитационная система, которой обладала та женщина, не раз спасала ему жизнь.

В новом мужском теле он по-прежнему сохранял доступ к гравитационной магии, но развивать и совершенствовать этот навык дальше Кэндзяку уже не мог.

Новая плоть когда-то принадлежала прямому наследнику великого клана Камо. Врожденная техника покойного не представляла для Кэндзяку интереса, но вот высокое социальное положение мертвеца открывало ему прямую дорогу в кулуары высшего руководства магов.

Кэндзяку быстро прибрал за собой в подземном бункере. Он методично уничтожил все следы своего пребывания, сжег неиспользованные реактивы и забрал лишь самые ценные архивные записи.

Сейчас его главной задачей было раствориться в толпе и выждать удобный момент.

До критической точки — слияния великого мастера Тэнгэна с Сосудом звездной силы — оставалось всего три года. И за это время он обязан был сорвать ритуал любой ценой.

Судя по его подсчетам, жена Тодзи Дзэннына уже испустила дух от насланного им проклятия. А значит, убитый горем обладатель Небесного проклятия со дня на день вернется к ремеслу наемного убийцы.

Нужно незаметно направить его след и вложить Аmano Сакахоко прямо ему в руки.

Это уникальное Проклятое орудие особого ранга способно мгновенно аннулировать действие любых защитных техник. Лучшего инструмента против Безграничности Шести глаз просто не существовало в природе.

Но толку от Аmano Сакахоко в руках дилетанта? Сам Кэндзяку, даже имея Аmano Сакахоко в своем арсенале, ни за что бы не решился лично напасть на владельца Рикугана.

Обладатели Шести глаз видят мир насквозь и чувствуют чужую проклятую энергию за километры. Любой маг, даже вооруженный Аmano Сакахоко, будет раскрыт задолго до того, как успеет замахнуться.

И только Тодзи Дзэннин — абсолютный призрак с нулевым уровнем энергии благодаря своему Небесному проклятию — способен подобраться к Шести глазам вплотную и нанести единственный смертельный удар.

Будучи уникальной аномалией, способной ломать сами нити причинно-следственных связей, Тодзи Дзэннин был единственным существом, способным разрушить предначертанное слияние

Тэнгэна и Сосуда звездной силы.

Два носителя Шести глаз в одном поколении путали ему все карты. Кэндзяку рассчитывал убрать старшего, зная непреложный закон: пока жив один Рикуган, новый родиться не сможет.

Он нацелился на Годжо Хару, который жестко контролировал клан Годжо и разрушил его многолетние агентурные сети. Зеленый, импульсивный Сатору казался куда более легкой мишенью для будущих манипуляций.

Но реальность преподнесла жестокий урок: Годжо Хара умудрился освоить Расширение территории в столь нежном возрасте. Этот соплёк оказался немислимо, чудовищно силен. Прямое покушение провалилось.

Что ж, придется менять стратегию. Через три года он сделает все, чтобы выманить Хару как можно дальше от Токио. Оставить Сосуд звездной силы под охраной одного лишь неопытного Сатору — вот его новый, куда более осуществимый план.

Потеря половины ментальной сущности, стертой Двумерным миром Хары, давала о себе знать дикой, парализующей болью. Кэндзяку едва держался на ногах, но великий план, ради которого он жил последнюю тысячу лет, не терпел промедлений. Превозмогая слабость пульсирующего мозга, он заставил новое тело двигаться вперед — навстречу своей великой жатве.

<http://bllate.org/book/19549/2004308>